

НАСЛЕДИЕ РЯБИНИНЫХ В СОВРЕМЕННОМ ЭПОСОВЕДЕНИИ

Б.Н.ПУТИЛОВ
Санкт-Петербург

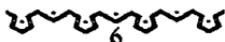

ЭПИЧЕСКИЕ ПЕВЦЫ ЗАОНЕЖЬЯ И ТИПОЛОГИЯ СЕВЕРНО-РУССКОГО СКАЗИТЕЛЬСТВА

В сложившихся в русской науке представлениях о региональной системе северно-русской эпической традиции Заонежье – или шире, Обонежье – занимает особое место. И эту особенность я склонен приписывать не столько объективным, исторически сложившимся качествам онежских былин, сколько специфическим, отчасти случайным, обстоятельствам, связанным с открытием и ходом собирательской работы в этом регионе.

Во-первых, не забудем, что именно с Заонежья началось открытие и научное освоение Исландии русского эпоса. Впечатления первооткрывателей от знакомства с былинными сказителями этого края были по-особому волнующи и неповторимы – именно потому, что они первые. Никогда уже потом поразительное ощущение новизны, взволнованность от прикосновения к дотоле незнакомому, кото-

рые невольно отпечатались в заметке П.Н.Рыбникова¹ и статье А.Ф.Гильфердинга², не повторились у собирателей, находивших живую былинную традицию в других местах Севера.

Второе обстоятельство – это множество локальных былинных очагов, обнаруженных в Обонежье, большое число старинщиков разного уровня мастерства и опыта, оказавшихся здесь, и среди них – выдающихся сказителей общенационального и мирового класса. Таких сказителей здесь больше, чем в других регионах, и я готов объяснить этот факт опять-таки обстоятельствами открытия и изучения эпоса на Русском Севере.

Это третий важный фактор. Дело в том, что вторая половина XIX столетия была временем, когда на Русском Севере доживали свой век последние поколения великих былинных певцов и само сказительство как неповторимый феномен традиционной культуры подступало к порогу кризисного состояния и постепенного упадка. Рыбников и Гильфердинг успели захватить начало этого процесса, они застали, услышали и записали Т.Г.Рябинина, А.Е.Чукова, И.Л.Калинина, В.П.Щеголенка, К.И.Романова, Никифора Прохорова... Между тем, Григорьев, Марков, Ончуков пришли на Мезень, Пинегу, Кулой, на Зимний берег и Печору 40–30 годами позднее, когда тамошние сверстники онежских мастеров уже ушли из жизни. Вторая волна собирателей застала северно-русскую былинную традицию уже на ущербе, а главное – потеряла возможность общения по крайней мере с двумя поколениями мастеров, искусство которых в Прионежье успели зафиксировать Рыбников и Гильфердинг.

И еще одно немаловажное обстоятельство: именно по Онежскому региону прошли последовательными волнами несколько поколений собирателей и именно здесь мы располагаем наибольшим числом записей текстов, связанных преемственностью "учителей" и "учеников". Это особенно важно для нас сегодня. Если к этому добавить, что наиболее существенные обобщения по проблемам былинного сказительства "русская школа" эпосоведения сделала, базируясь в первую очередь на онежских материалах (я имею в виду теоретическое наследие А.Гильфердинга, А.Астаховой³,

---

¹ Песни, собранные П.Н.Рыбниковым: в 3 т. / Под ред. Б.Н.Путилова. Петрозаводск, 1989. Т. 1.

² Гильфердинг А.Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А.Ф.Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1949. Т. 1.

³ Былины Севера. Том первый: Мезень и Печора / Записи, вступит. статья и коммент. А.М.Астаховой. М.; Л., 1938; Былины Севера. Том второй: Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текста и коммент. А.М.Астаховой. М.; Л., 1951; Астахова А.М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948; Астахова А.М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966.

Б. и Ю.Соколовых⁴, В.И.Чичерова⁵, т. станет очевидной актуальная значимость онежской сказительской традиции для разрешения коренных вопросов сказительского искусства вообще и настоятельная необходимость возвращения к ее изучению не только в региональном, но и в историко-типологическом плане.

Воздадим должное нашим предшественникам – учителям нашим и учителям наших учителей: они выполнили главную задачу – донесли до нас былинный фонд в его подлинном, неискаженном виде, как он сохранился, пройдя века сложного развития. Не столь безусловно приходится оценивать сегодня степень выполнения ими задач, связанных с проникновением в природу и специфику сказительства как феномена народной культуры. Конечно, открытие сотен имен былинных сказителей – с фиксацией кратких биографических данных и с предварительными характеристиками их творческой манеры – само по себе имело огромное научное и культурное значение и является для нас неоценимым источником. Итоги теоретического осмысления сказительства, наблюдений над отношением их к былинам, опыты типологизации получили обобщение в трудах А.М.Астаховой⁶.

Оценивая по достоинству достижения "русской школы", мы сегодня обнаруживаем недостаточность, односторонность и поверхностность того реального эмпирического свода сведений о сказителях, какой оставили нам несколько поколений собирателей. Неполнота и отрывочность данных была предопределена направленностью и методикой собирательской работы на Русском Севере. Она была ориентирована, как правило, на возможно более широкий и полный охват исполнителей и на возможно большее число записей при минимальной затрате времени. Собиратели просто не могли успеть уделить достаточно времени для обстоятельных бесед со сказителями, для вдумчивого выяснения множества вопросов их биографий и творческой жизни. И, кажется, специальных программ такой работы у них не было. Даже экспедиции, осуществлявшиеся "по следам" прежних собирателей, не были вооружены такими программами.

Конечно, в результате мы имеем сотни и тысячи текстов. И я вовсе не собираюсь упрекать собирателей. Но факт остается фактом – на Се-

---

⁴ Соколов Б. Сказители. М., 1924; Соколов Ю.М. Русский фольклор: Учебник для вузов. М., 1938.

⁵ Чичеров В. Сказители Онего-Каргопольщины и их былины / Онежские былины / Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю.М.Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В.Чичерова. М., 1948; Чичеров В.И. Школы сказителей Заонежья. М., 1982.

⁶ Астахова А.М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.

вере не была проведена достаточно емкая и организованная экспериментальная работа с певцами. Что это значит и к каким результатам она может привести – показывают материалы экспедиций М.Пэрри и А.Лорда⁷. В архиве экспедиций по крайней мере половину занимают записи обстоятельнейших, длившихся часами, бесед с югославскими гусярами, вопросов и ответов, многократно повторявшихся, подвергавшихся тут же перепроверке, интервью, построенных по заранее подготовленной программе. В монографии А.Лорда⁸ разделы, посвященные сербской сказительской традиции, в равной степени опираются на сравнительный анализ текстов юнацких песен и на обобщение материалов интервью и других полевых наблюдений. Теория Лорда вся выросла на базе широкого и разветвленного эксперимента, осуществленного в серии экспедиций 30–50-х годов.

Увы, "русская школа" не может гордиться чем-то схожим. Исключительные возможности, которые предоставляла им живая традиция, были упущены – и упущены безвозвратно. Я думаю, что дело не только в методике полевой работы, но и в ранней, чуть ли не изначальной идеологизации (а подчас – политизации) подхода к северно-русскому сказительству. С одной стороны, вопросы: почему Русский Север стал хранилищем былинной традиции? Откуда здесь такой живой и стойкий интерес к древнему эпосу? Как понимают сказители этот эпос и как они с ним обращаются? – исследователи стремились разрешить на широком историческом фоне, с поисками социально-психологических факторов. С другой стороны, идеологическое начало преобладало и в попытках понять, каким образом сказители усваивают, запоминают и передают тысячи былинных стихов. Такой подход был характерен уже для А.Ф.Гильфердинга⁹. Эпосоведы советского времени не просто усилили этот идеологический подход, но придали ему качественно новую окраску – в соответствии с утвердившимися в советской науке 30-х годов понятиями народности эпоса и представлениями о сказителях как выразителях народного – крестьянского миропонимания и как творческих личностях, работа которых над былинным наследием носила, по существу, направленный характер. Отсюда – преимущественное внимание исследователей сосредоточилось на содержательных аспектах сказительского искусства, на выявлении, систематизации и сравнительном анализе тек-

---

⁷ См. характеристику экспедиций и библиографию: *Путилов Б.Н.* Послесловие // Лорд А.Б. Сказитель. М., 1994; *Он же.* Школа Пэрри-Лорда в современном мировом эпосоведении / Живая старина. 1994. № 2.

⁸ *Lord Albert B.* The Singer of Tales. Harvard University Press. 1960. Русский перевод: *Лорд А.* Сказитель / Пер. с англ. и коммент. Ю.А.Клейнера и Г.А.Левинтона; Послел. Б.Н.Путилова; Статьи А.И.Зайцева, Ю.А.Клейнера; Отв. ред. Б.Н.Путилов. М., 1994.

⁹ *Гильфердинг А.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды...

стов со стороны сохранения или изменений в сюжете, композиции, в трактовках, в характеристиках персонажей, в идейно и художественно значимых подробностях.

Результаты такого исследовательского подхода хорошо известны, и уже можно спокойно говорить о том ценном, что он принес, и о тех просчетах, которые в нем обнаруживаются. И, конечно же, не упуская ничего позитивного в работах наших предшественников и учителей, приходится ради пользы дела искать пути преодоления односторонности и критически относиться к положениям, которые еще недавно казались не вызывавшими сомнений.

В методологическом плане мне представляется насущно необходимым освободиться от груза идеологических стереотипов в отношении к сказительству и к сказительским текстам, в частности – от налета идеализации самого образа сказителя, от преувеличений социально-исторического смысла и социальной направленности сказительского искусства. В своем увлечении содержательными аспектами живой эпической традиции "русская школа" оставила на периферии аспекты технические, за которыми трудно было усмотреть идеологические мотивы.

Для исторического и генетического понимания эпоса категории сюжеттики и образности, реалий играют, естественно, решающую роль. Но для понимания сказительского искусства и его элементов не меньшее, а иногда и большее значение приобретают слагаемые более дробных уровней – таких, в первую очередь, как былинный стих, его организация, его вариативность, совокупности стихов и их составляющие. Через сравнительный анализ стиховой материи мы проникаем в средоточие творческого процесса сказителя, процесса, который всегда и в первую очередь связан с актом исполнения былины. Именно здесь проверяется степень справедливости формулы Пэрри-Лорда "composition in performance" (буквальный перевод ее как "сочинение в ходе исполнения"¹⁰ не точен, я склонен переводить слово "composition" как "воспроизведение", "воссоздание" всякий раз как бы заново хорошо известного произведения).

В свое время книга А.Лорда "The Singer of Tales" с ее идеей совпадения актов создания и исполнения и разработкой теории формульности встретила в советской печати настороженное и даже несколько высокомерное отношение – мол, что эти американцы могут понять в искусстве сказителей, ведь своего национального эпоса у них нет. Тогда как в основе книги и всей теории Пэрри-Лорда лежала очень важная мысль, согласно которой устный эпос живет по законам устности, его создание и постоянное воспроизведение неотрывны от актов исполнения. Мы, ко-

---

¹⁰ См.: Лорд А. Сказитель. С. 24–25.

нечно, знали это, но эта мысль не стала для "русской школы" методологической доминантой, она осталась на периферии исследовательского анализа. А Лорд положил ее в основу.

Кажется, я был первым у нас, кто не просто всерьез воспринял взгляды Пэри-Лорда на живую эпическую традицию и даже увлекся ими, но и решился применить некоторые их идеи к исследованию текстов северно-русских, в первую очередь заонежских сказителей. Это было в конце 60-х годов, и уже тогда для меня стало очевидным, что положения американских ученых о роли эпической формульности и об акте исполнения как акте творческого воспроизведения эпического текста безусловно подтверждается на русском материале и что типология сказителей не может строиться без учета этих моментов¹¹.

Вслед за моей статьёй стали выходить работы моей ученицы Н.Г.Черняевой, в которых был значительно расширен фонд источников, усовершенствована и обогащена методика анализа и были получены, на мой взгляд, превосходные результаты, которые, кстати сказать, не столько опровергали прежние типологические опыты, сколько дополняли, исправляли и значительно обогащали типологию певцов¹². К тому же кругу проблем обратился В.М.Гацак, скорее – в полемическом настроении по отношению к А.Лорду, чем в согласии с ним¹³.

И методическая сторона его исследований, и полученные наблюдения вносят существенно новое в наше понимание сказительского искусства.

Опираясь и на свой опыт, и на работы названных ученых, попробую предложить несколько обобщений, относящихся к типологии северно-русского сказительства в тех его аспектах, которые касаются вопросов: как сказители усваивали эпическую традицию и как они ее передавали при повторявшихся актах исполнения.

Увы, нам приходится работать уже не с живыми носителями этой традиции, и мы лишены возможности спрашивать и экспериментировать, а вынуждены оперировать записанными не нами текстами. Для

---

¹¹ См.: *Путилов Б.Н.* Мастерство былинного певца (Из текстологических наблюдений над былинами) // Принципы текстологического изучения фольклора. Л., 1966.

¹² *Черняева Н.Г.* К исследованию типологии искусства былинного сказителя // Сов. этнография. 1976. № 5; *Она же.* "Обучение" северно-русского былинного сказителя как типологическая проблема // Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1976; *Она же.* Проблемы типологии искусства северно-русского былинного сказителя: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Минск, 1977; *Она же.* Опыт изучения эпической памяти (на материале былин) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. М., 1980; *Она же.* Русские эпические песни Карелии / Издание подгот. Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981.

¹³ *Гацак В.М.* Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса. М., 1971; *Он же.* Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. М., 1989.

наших целей необходимы варианты, "повторные записи" трех типов. Тип первый – записи одной и той же былины от одного сказителя; тип второй – записи одной и той же былины от предполагаемых "учеников" и "учителей" (или безусловно таковыми являющихся); тип третий – записи одной и той же былины от нескольких "учеников" одного "учителя". К сожалению, наличие таких записей (всех трех типов) – это скорее игра случая, чем результат сознательных устремлений собирателей. К счастью, все-таки немалый запас их сохранился. Скажу здесь, что именно онежский фонд текстов дает наибольшее число вариантов всех трех типов, и не случайно упомянутые мною выше аналитические опыты почти полностью строятся на этом материале.

Именно сравнительный анализ вариантов на микроуровне подтверждает, что эпический текст в его неповторимой конкретике рождается не где-то в уединении, не в некоем воображаемом творческом пространстве, а в ходе исполнения при вполне конкретных обстоятельствах, которые, впрочем, совсем не обязательно воздействуют на текст. Совершается таинственный, пока что непостижимый для нас процесс перевода эпического знания, эпической памяти в данный текст, который, как правило, в этом своем виде уже не повторится.

Но встают вопросы, которые могут быть хотя бы отчасти освещены через сравнительный анализ вариантов. – Что собою представляло эпическое знание – не просто как набор данных, но в плане конструктивном? Как реализовывала себя эпическая память в обстоятельствах исполнения?

Безусловно доказано – во всяком случае, для тех сказителей, которые находились в поле зрения Н.Черняевой, В.Гацака и моем (а их не так уж мало, и, что немаловажно, они оказываются по прежней типологии представителями разных типов), что в принципе сказители не имеют некоего однажды затверженного текста, который всякий раз повторялся бы без изменений. Память их ориентирована не на готовый, неизменный текст, но на типовые его элементы разных уровней, как вполне конкретные (поддающиеся варьированию), так и существующие в виде моделей. Ни в одном из подвергшихся анализу случаев так называемый повторный текст, зафиксированный в записи, не совпадал в плане выражения с "предшествующим". Разумеется, степень и характер расхождений в вариантах у разных сказителей не одинаковы. Первостепенный интерес в этом смысле представляет сопоставление микроуровней текстов – межстиховых и внутрителиховых отношений. Именно на микроуровне обнаруживается постоянная, ни на момент не останавливаемая вариационность, которая затрагивает то отдельное слово, даже его фор-

му, то порядок слов, состав фразы, то целую формулу. Здесь по-настоящему открываются масштабы и характер вариационной синонимии, когда "данная значимая идея" (это слова Пэрри) может быть выражена, частично или полностью, одним или другим формульным (либо бесформульным) способом, а способы эти заложены в памяти (или в художественном сознании) сказителя, откуда он неведомым нам (а быть может, и самому ему) путем извлекает в ходе исполнения какой-нибудь стих или часть его.

Вариационная синонимия знакома и литературному творчеству, только здесь она проявляется на стадии поисков единственного решения. В конечном счете остается именно оно, а варианты как следы творческого процесса сохраняются в лучшем случае в черновиках.

В устном эпосе вариационные синонимы составляют живой, постоянно действующий фонд и всегда готовы к употреблению и взаимозаменяемости.

Типологическая классификация обязана учитывать как немаловажный показатель объем этого фонда у каждого сказителя и умение им пользоваться. Вот только какие у нас возможности восстановить такой фонд применительно к искусству отдельных певцов – это большой вопрос.

Сопоставительный анализ на микроуровне по-иному высвечивает отношения между текстами "учителей" и "учеников" (т.е. носителей традиции, *передающих* ее кому-то, и тех, кто заново эту традицию *воспринимает*). Очевидно, что "ученики" никогда не могли услышать из уст "учителя" какие-то повторяющиеся слово в слово тексты, а следовательно – и не могли заучивать их буквально. Они слышали *варианты*. Тем самым осознание вариативности плана выражения должно было изначально составлять часть эпического знания, а эпическая память обязана была вбирать и хранить систему вариационных элементов, и искусство исполнения предполагало умение пользоваться этой системой настолько свободно, чтобы пропевание стихов не встречало бы никаких затруднений.

И если в плане содержания большинство сказителей ориентировалось на устойчивые константы относительно сюжета, композиции, характеристики персонажей, значимых описаний, то в плане выражения преобладал вариационный подход. Разумеется, и эта сторона так или иначе регулировалась традицией, во власти которой находилось эпическое знание.

Убежден, что сопоставительный анализ вариантов трех типов на микроуровне заключает в себе немало скрытых пока возможностей для разгадки многого в психологии, художественном сознании и искусстве воссоздания былинных текстов. При этом важно разнообразить методику сопоставлений. Столь же важно расширять поле источников. В идеале – стоит поставить целью *полный учет* всех текстов, связанных предметностью по вертикали или горизонтали. В частности, это важно для онсжской традиции, особенно богатой такими текстами. По себе знаю, как трудна и медленна эта работа по сопоставлению вариантов на уровне стихов и их комплексов. На один текст приходится тратить не один день. Я вижу здесь два выхода: один – включение в такую работу коллективов; второй – применение компьютеров с хорошо разработанной программой. Если бы только нашлась группа охотников на это дело, я без колебаний подключился бы к ней. Это по-настоящему увлекательная работа, сулящая настоящие открытия.

